

Детективные романы Татьяны Гармаш-Роффе:

Тайна моего отражения
Шантаж от Версаче
Частный визит в Париж
Голая королева
Шалости нечистой силы
Ведьма для инквизитора
Роль грешницы на бис
Вечная молодость с аукциона
Ангел-телохранитель
Королевский сорняк
Мертвые воды Московского моря
Е.Б.Ж.

13 способов ненавидеть
Уйти нельзя остаться
Расколотый мир
Ведь я еще жива
Черное кружево, алый закат
Ягоды страсти, ягоды смерти
Вторая путеводная звезда
Золотые нити судьбы
Властитель женских душ
Укрыться в облаках
И нет мне прощения
Сердце не обманет, сердце не предаст
Силы небесные, силы земные
Легкое дыхание лжи
Завещание с того света

ТАТЬЯНА
Гармаш
Ротаре

Роль грешницы на бис

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.
Г20 Роль грешницы на бис / Татьяна Гармаш-Роффе. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Детектив как искусство. Романы Т. Гармаш-Роффе).

ISBN 978-5-699-99245-4

Не хотелось, ох как не хотелось частному детективу Алексею Кисанову братья за расследование нашумевших убийств высокопоставленных персон! Но он уступил просьбе любимой женщины, известной журналистки Александры, о чем впоследствии не раз жалел... Странные убийства при помощи отравленной иглы не поддавались никаким возможным объяснениям. Пока ясно одно — все погибшие были каким-то образом связаны со знаменитой актрисой Измайловой. Но каким? Продвигаясь почти на ощупь в этом загадочном деле, Алексей убедился в том, что избрал верный путь, только когда очередная ядовитая игла досталась Александре...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гармаш-Роффе Т. В., 2017
© Оформление.
ISBN 978-5-699-99245-4 ООО «Издательство «Э», 2017

Все имена, персонажи и события этой книги сочинены автором. Любое совпадение с реальностью может быть только случайным.

— *Цветик-Семицветик, почему меня мамка не любит?*

— *С чего ты взял?*

— *Не любит, знаю.*

— *Скажешь тоже! Папка тебе вон тумачков дает, а мамка — нет!*

— *Все одно!*

— *Ерунду говоришь. И мамка любит, и папка любит.*

— *И ты?*

— *И я. Спи.*

* * *

Майским солнечным днем директор крупного коммерческого банка г-н Хрупов выглянул в окно своего офиса, располагавшегося недалеко от Арбата. На улице уже собралась небольшая толпа: журналисты в полном техническом снаряжении хищно поджидали его появления (в банк их не пустила охрана), а чуть поодаль притулилась горстка старушек с плакатом «Отдай народное добро!». А дело все в том, что одна ретивая газета провела «журналистское расследование» и опубликовала накануне информацию о том, как г-н Хрупов сколотил состояние, выманив обманным путем ваучеры у простого, экономически не подкованного народа, а затем бессовестно нажился на заработанных кровью и потом рублях, которые нищие доверчивые пенсионеры поместили в его банк.

Материал прозвучал громко, и сегодня прямо с утра к банку потянулись журналисты — эти сволочуги, эти пираньи, готовые вонзить свои ядовитые зубы в жирненькое, холеное тело преуспевающего банка и его директора.

Если бы он мог отсидеться в своем кабинете до вечера, он бы непременно так и сделал. Но предстоящую важную встречу никак нельзя было отменить, и потому к народу придется выйти. Недовольно хмыкнув, директор нажал на кнопку селектора и коротко переговорил со своей охраной, объяснив предстоящий демарш: он ответит на два-три вопроса журналистов, но к нему никого не подпускать и быстро расчистить путь к машине.

Он уже заготовил нужную фразу и нисколько не нервничал — его за просто так не возьмешь! Покидая кабинет, Хрупов повернулся к зеркалу, надел на лицо снисходительно-уверенную улыбку и, прочно зафиксировав ее в лицевых мышцах, с достоинством направился к выходу.

На улице, у сверкающего чистотой и мрамором подъезда банка, он под нестройное блеяние кучки фрондирующих старушек уверенно послал в вытянувшиеся к нему микрофоны несколько коротких, крепко сколоченных фраз о бездоказательности обвинений прессы и своей исключительной заботе о благе народа. После чего мелко засеменил в окружении охраны, прокладывая путь к его белому «Мерседесу». Шофер, завидев хозяина, уже услужливо распахнул дверцу, но внезапно Хрупов остановился. Настолько неожиданно, что на него налетел охранник, шедший сзади. Хрупов почувствовал неприятный, жгучий укол в шею, как если бы его ужалила пчела. Он поднес руку к месту укуса, почувствовал в нем инородное тело, размазал капельку крови, выступившую на коже, удивленно посмотрел на

окровавленный палец и даже почти успел крикнуть охраннику, чтоб тот глянул, что приключилось с его шеей...

Как вдруг захрипел, ноги его ослабли, подогнулись, и он, цепляясь за одежду своих телохранителей, осел на землю, ощущая странную судорогу в горле. Охрана бросилась к хозяину, взяла под локотки, бережно доволокла его, скрюченного от судороги, до белого кожаного сиденья «Мерседеса», подальше от глаз журналистов и народных мстителей в лице старушек. И уже внутри, защищенная от не в меру любопытных глаз железным панцирем и затемненными стеклами машины, приступила к расспросам: чего такого с хозяином приключилось, что он затеял наземь садиться на глазах у протестующего народа?

Хозяин, хватаясь за горло, промычал в ответ что-то нечленораздельное.

И умер.

* * *

Майским солнечным утром депутат Думы г-н Иголкин выглянул в окно своей квартиры на Патриарших прудах: машина уже стояла у подъезда, скромный, как полагал депутат, темно-синий с металлическим отливом «Фольксваген». Депутат Иголкин, утерев лоснящийся после обильного завтрака рот, привычно чмокнул круглолицую жену, прихватил кейс с бумагами и резво сбежал с четвертого этажа: сердцу полезны небольшие тренировки.

Размахивая кейсом, он шел к машине, излучая довольство самим собой, своим положением, своим завтраком и даже нелюбимой женой. Мельком глянул на сидевшую на скамейке сгорбленную фигуру: не знакомый ли, не кивнуть ли с ослепительно-приветственной улыбкой народного избранника? Фигура в мешковатом, не по погоде пальто и черных очках показалась

незнакомой, и Иголкин переключился на двух соседей, шедших навстречу, коим послал сладкую улыбку в ответ на их две, не менее сладкие. После чего он брезгливо обошел собачонку, семенившую на поводке у девочки, не забыв, однако, потрепать ребенка по голове: ребенок был соседский, а к своему имиджу в глазах соседей он относился весьма ответственно — это ведь первейший источник слухов и сплетен! Девочка неприязненно отстранилась от его равнодушной руки, но он не заметил или сделал вид, что не заметил.

На подходе к «Фольксвагену» Иголкин вдруг почувствовал неприятный, обжигающий укол в ногу, как если бы его ужалила пчела. Депутат не поленился, задрал брючину, чтобы посмотреть, что же приключилось с ногой, но брючина не поднималась достаточно высоко — не снимать же штаны на глазах у народа! Решив, что посмотрит в машине, Иголкин выпрямился, сделал три оставшихся до нее шага, но отчего-то потерял равновесие и клюнул прямоком носом в крышу «Фольксвагена».

Шофер, уже изготовившийся открыть заднюю дверцу, подскочил, подхватил незадачливого шефа — перепил небось начальник накануне, с ним это случилось! Хотя обычно он держался на зависть хорошо, и если бы салон машины не заполнял удушливый запах перегара, то и сам шофер ни в жисть бы не догадался!

Он помог Иголкину сесть на заднее сиденье, поинтересовался, как самочувствие. Получив затрудненный ответ, что все ничего, вот только странная сухость во рту и дышать тяжело, усмехнулся: знаем мы эту сухость с утречка, она нам всем знакома, горючего слишком много на грудь приняли накануне, господин начальник!

И только когда он доехал до места назначения и выскочил, чтобы распахнуть перед шефом дверцу, он понял по остекленевшему взгляду, что шеф того...

Помер шеф, одним словом.

* * *

Пасмурным майским днем генерал в отставке г-н Зайков отправился прогуляться до ближайшего магазина, находившегося практически напротив дома, только дорогу перейти. Покупок нужно было сделать совсем немного — так, мелочи, которые ему нужны были для дачи, куда он собирался отбыть завтра с утра. Он пристроился к кучке пешеходов, ожидавших зеленого, чтобы перейти на противоположную сторону. Неожиданный резкий прострел под правой лопаткой укрепил его в мысли, что ходить надо побольше: соли, артриты-радикулиты — все это, знаете, только движением можно изжить. Движение — жизнь. Он это еще с солдатских времен усвоил. С этой здоровой мыслью он и вошел в магазин.

Однако там он сразу почувствовал сухость во рту, головокружение, слабость и, бросив тележку, чертыхнулся и направился к выходу: ясно, что очередь в кассу ему не выстоять. Неужто грипп? Придется поездку на дачу отложить... Сейчас срочно водочки с перцем и витамин С — и поспать. К вечеру посмотрим, авось обойдется...

Жестокая судорога в горле прихватила его уже у подъезда. Он никак не мог вздохнуть, никак не мог ухватиться за скользкую от сырости круглую ручку тяжелой подъездной двери. Руки не слушались. Ноги тоже.

...Он так и умер, повиснув на дверной ручке.

* * *

— А помнишь, Цветик-Семицветик, когда я был маленький, я тебя спрашивал...

— Ты и сейчас маленький.

— А вот и не маленький! Большой!

— Ну, пусть. Дак чего ты спрашивал?

- Почему мамка меня не любит?
— Во заладил!
— Я знаю, что не любит.
— А почему ты знаешь?
— Тебя любит, а меня нет. Я плохой?
— Хороший, хороший, вот наказание-то! Да не кру-
тись в кровати, раз хороший, дай мне спать! И сам спи!

* * *

— Третий... — произнес вслух Алексей Кисанов, чи-
тая газету.

— Третий что? — внезапно отозвались звонким юным
голоском глухие недра его квартиры.

Алексей Кисанов (в дружеском просторечии Кис) уж было собрался вздрогнуть от неожиданности, как голосок добавил: «Или кто?», выдернув его память из короткого амнезийного обморока: это же Юля, его свежеиспеченная секретарша!

— Человек. Третий человек убит. За последний ме-
сяц, — недовольно откликнулся детектив. Недоволен он был самим собой: никак не мог привыкнуть к нали-
чию секретарши.

— Удивляюсь я тебе, Кис, — затеял пару недель на-
зад разговор Ванька, его жилец и по совместительству
ассистент, студент юрфака и по совместительству про-
гульщик. — Бабок у тебя теперь навалом: имя звучит,
как модная торговая марка, клиент ломится, как в гри-
мерную к суперзвезде! Тебя уже можно под бой бараба-
нов торжественно принимать в «новые русские»! А ты
все живешь — совок совком. Ты хоть глянь вокруг се-
бя, оторви глаза-то от компьютера: в квартире давно
пора ремонт делать, желательно европейский! Мебель
еще давнее требуется сменить — ну хотя бы в офисе!

И секретаршу надо завести, Кис! Чтобы двери открывала, ослепительно улыбалась и гостя к тебе в кабинет провожала! А то несолидно как-то: открываешь сам, в джинсах, в тапках... Нет бы галстук, костюмчик, ботиночки начищенные...

— Утомонись, чертяка! — грозно рыкнул Алексей, все еще пытаясь вникнуть в смысл изучаемых бумаг.

Ванька и впрямь со своей кудлатой башкой и быстрыми смешливыми глазами был похож на чертенка.

— Да нет, я серьезно! — Ванька разошелся и не собирался отступать. — Тебе пора менять имидж! Вот когда ты с Александрой идешь «на выход», на светские мероприятия, — так любо-дорого посмотреть: та-а-акой мэн, суперстар, прямо хочется интервью у тебя взять! Ты же умеешь классно выглядеть! На иных хоть самый дорогой костюм нацепи — все мешок мешком, а на тебе костюмчик — как родной...

— Родные так дорого не стоят, — хмыкнул Алексей, — они бесплатно выдаются при рождении... А джинсы что же, как двоюродные, что ли?

— Кис!!! — возопил Ванька. — Джинсы — это рабочая одежда! В них ра-бо-та-ют!!!

— Так а я что в них делаю? — простодушно поинтересовался детектив. Его забавлял юный Ванькин пыл. — Как раз и работаю...

— Ты издеваешься, да? А я, между прочим, прав! У кого хочешь спроси — солидному человеку нужен имидж. Специалисты по имиджу знаешь, сколько зарабатывают? Миллионы! А все почему? Потому что я прав!

— Тогда они с тобой должны делиться, — заключил Кис. — Раз зарабатывают на твоей правоте. Проси проценты, Ванек!

— Издеваешься, понятно... Ты бы хоть раз послушался умных людей, а? Да куда там, ты же себя самым умным считаешь! А сам живешь, как шнурок какой-то,

будто не видишь, что вокруг тебя делается! Сейчас каждая сопля и то старается себя подать, пыжится из всех сил, а уж тебе-то, известному детективу, сам бог велел о своем престиже позаботиться!.. Иначе тебя никто уважать не будет!

— Тебя послать или сам сходишь? — рывкнул Кис. — И где ты только этой лабуды набрался?

— Ага, как чего не по-твоему, так сразу — «лабу-да»! — обиделся юный наставник Кисовой жизни. — К тебе какие люди ходят!

— Какие?

— Солидные, вот какие!

— И что, у них на одну ногу больше, чем у меня? Или на одну голову? Или чего у них такого есть, что я должен ради них менять свои привычки? Они умнее? Лучше? Может, честнее?

— Ой, уморил! — Ванька комично ухватился за живот. — Ой, не могу! Вы слышали? Нет, вы такое слышали? «Умнее, лучше, честнее»! Кис, тебе сколько лет? Уже полтинник не за горами, а рассуждаешь, как... как... Я даже не знаю, как кто!

— Как нормальный человек, — проинформировал Кис.

— В таком случае, дорогой Алексей Андреевич, все остальные — ненормальные!

— Согласен, — с присущей ему скромностью одобрил детектив Ванькино умозаключение.

Кажется, на этот раз Ванька не нашел что ответить. Кис, хитро кося глазом в его сторону, ждал, какой еще философский фортель выкинет начинающий специалист по престижу.

— Они — хозяева жизни, — выдал наконец Ванька. — И когда ты являешься перед ними в таком непотребном виде, смотрят на тебя, как на прислугу, — добавил он с обидой в голосе.

Обижался он, ясное дело, за Алексея, к которому был сильно привязан.

— Они приходят ко мне с просьбой о помощи, балбес. Запомни, в жизни пригодится: *проситель всегда находится в слабом положении*. Как там насчет «хозяев жизни» — не знаю, но хозяин положения — я. И от меня зависит, окажу я им помощь или нет.

Ванька задумался.

— Понял, — сказал он через минуту. — Чего ж не понять... А все-таки имидж не помешал бы!

— Мой имидж, если тебе так нравится, — это его отсутствие. Тот, кто приходит ко мне за помощью, ждет от меня дела, а не начищенных ботинок. И я свое дело знаю. Вот и весь имидж. А прибамбасами пусть обзаводятся те, кого больше не за что уважать. Тема закрыта.

— А секретарша? — жалобно спросил Ванька. — Подумай, тебе же и в самом деле нужна секретарша, Кис! Ты же зашиваешься! А меня как раз одна девчонка с курса просила ей работу помочь найти... Она иногородняя, ей зарабатывать надо, родители не могут ее содержать... А?

— С этого и надо было начинать, — рассмеялся Алексей.

Дела в последнее время пошли до такой степени обильно и прибыльно, что он и впрямь начал не на шутку зашиваться, особенно с писаниной и классификацией бумаг.

— А то развел тут пропаганду нездорового образа жизни... — ворчливо добавил он. — Хотя ремонт, пожалуй, надо будет сделать... Когда-нибудь. А подружка твоя пусть приходит. На полставки, раз студентка. И ползарплаты, разумеется. Испытательный срок — неделя.

Так и появилась в квартире Алексея Кисанова секретарша Юля. Слово «свежеиспеченная» шло к ней необыкновенно: она и впрямь была похожа на свежую

маленькую булочку со смугло-румяной корочкой и с черными любопытными изюминами-глазами. И имя Юля ей шло: крохотулечного роста, с пухлыми щечками и заметно выдающейся грудью, она была на редкость подвижна и стремительна и в движениях напоминала раскрутившуюся юлу. Как управлялась Юля в университете с премудростями законодательной науки, Кис не знал, но в делопроизводстве девица оказалась весьма толковой. И он не без некоторого удивления заключил, что секретарша — вещь и впрямь хорошая и в хозяйстве полезная.

...Недра квартиры фыркнули в ответ Юлиным голосом:

— Только третий? За месяц? Я думала, что в Москве убивают как минимум пяток в день! Врут, что ли, газеты?

— Не врут. Просто это уже третий случай с одним и тем же, довольно необычным, способом убийства — отравленной иглой. Занятно. Сделайте кофейку, Юлечка, — добавил Кис и направился к кухне, из которой незамедлительно донеслись звуки воды и звон посуды. Юля была девушкой расторопной и исполнительной.

В своей огромной трехкомнатной квартире на Смоленке Кис не нашел для секретарши более подходящего места, чем кухня. О нет, не потрясайте грозным оружием мщения, амазонки и ярые феминистки! Кис женский пол всяко уважал и даже был где-то как-то за равенство полов... С одной лишь поправкой, которую не объедешь: равенства в людях вообще и в полах в частности никогда не было и не будет. Равные права — да, конечно, это мы со всей душой «за», а вот равенство... Все, молчу, молчу. Не хотите, чтобы вам сумку тяжелую поднесли, сами будете кряхтеть? Ладно-ладно, пожалста! Пальтишко не подать? Ну, что вы, конечно же, я не стану вас унижать подачей пальтишка, как скажете. Стоять у плиты не желаете? Ну...

Извините уж, но в обязанности новой Кисовой секретарши входит и приготовление всяких чаев-кофеев. Она свои ползарплаты за это, между прочим, получает. Так что у нас все тип-топ, девушки, сплошная демократия. Складывайте ваше оружие, феминистки, прячьте маникюрные ножницы и коготки наточенные убивайте прочь.

А кухня в качестве места обитания выпала Юле по одной простейшей причине: нехватки места. Одну комнату занимал Ванька, расплачиваясь за нее с Алексеем разными услугами в сыщицкой работе и в компьютерных премудростях; вторую — сам Алексей, третья же гордо именовалась офисом его детективного агентства АКИС (Алексей **КИ**санов, понятно, да?). Присутствие постороннего человека в офисе Кис не вынес бы — не нужна ему была девица под носом целый день напролет, девица к тому же любопытная, неумеренно склонная к задаванию вопросов. Да и места в офисе было маловато, и хоть Юля росту всего ничего, да ведь не посадишь секретаршу просто на стул — ей еще и стол нужен... Вот и нашелся стол — кухонный. За ним Юля отвечала на телефонные звонки с 15 до 19, регистрировала в большой тетради клиентов, расписание встреч детектива и прочие дела, вела несложный бухгалтерский учет. А также готовила кофе и бутерброды для Алексея и, случалось, для Ваньки, когда бездельник прогуливал занятия и при этом невзначай оказывался дома. Надо сказать, что в эти редкие дни бутерброды получались почему-то особо вкусными, а сервировка стола — более изысканной.

— То есть один почерк? — проявила чудеса сообразительности Юля, ставя чашку с кофе на стол.

— Правильно, — похвалил будущего юриста Кис, пододвигая к себе тарелку с бутербродами.

— Будете расследовать? — почтительно спросила Юля.